

- ⁶³ Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Там же. С. 88.
- ⁶⁴ Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный Ров на Десне // КСИИМК. Л., 1950. № 35.
- ⁶⁵ Старков В.Ф. Мезолит Среднего Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989.
- ⁶⁶ Бадер О.Н. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // ВАУ. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 16; Буров Г.М. Вычегодский край... С. 58; Старков В.Ф. Указ. соч. С. 129.
- ⁶⁷ Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья.
- ⁶⁸ Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976; Он же. Мезолит Южного Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989.
- ⁶⁹ Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Приуралья. С. 132.
- ⁷⁰ Dolukhanov P. The Most Ancient North Europeans: Consensus in sight? // The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia. Turku, 1998. № 1.
- ⁷¹ Cavalli-Sforza L.L. Genes, peoples and languages; Niskanen M. Itämerensuomalaisten alkuperä fyysisen antropologian näkökulmasta; Niskanen M. The genetic relationships of Northern and Central Europeans in light of craniometric measurements and gene frequencies // The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia. Turku, 1998. № 1.
- ⁷² Wiik K. 1997. Suomalaistyyppistä ääntämistä germaanisissa kielissä // Itämerensuomi – eurooppalainen maa/ Studia Historica Fenno-Ugrica. Oulu, 1997. № 2; Kynnäp Ago. Uralilaisten kielten läntinen kontaktikenttä // Idem.; Puszta J. Zur Entstehung des sprachlichen Bildes Nord-Eurasiens// The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia. Turku, 1998. № 1.
- ⁷³ Salo U. Ukko ukkosen jumala – Muinaissuomalaisten ukkosenjumala ja hänen indoeurooppalainen sukunsa // Itämerensuomi – eurooppalainen maa/ Studia Historica Fenno-Ugrica. Oulu, 1997. № 2.

Д.Г. САВИНОВ

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ КОКЭЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Во время многолетних исследований в Туве были открыты различные памятники гунно-сарматского времени¹ и эпохи раннего средневековья, из которых наибольшее значение, на наш взгляд, имеют впервые введенные в научный оборот материалы катакомбных захоронений уйгурского времени и раскопки замечательного памятника кокэльской культуры – могильника Даг-Аразы в Центральной Туве².

Кокэльская культура – одна из наиболее ярких и своеобразных в древней истории Тувы. По вопросу хронологии кокэльской культуры вообще и могильника Кокэль, в частности, высказаны различные точки

зрения. Выделившие впервые эту культуру в конце 60-х гг.: С.И. Вайнштейн – в пределах I в. до н.э. – IV в. н.э.;³ Л.Р. Кызласов – в пределах II в. – V в. н.э.⁴, с разделением на два этапа – II в. до н.э. – I в. н.э. и II–V вв. н.э. Такие же датировки сохранились и в более поздних работах этих авторов. Периодизация С.И. Вайнштейна была принята при публикации могильника Кокэль⁵. В издании кокэльских материалов Р. Кенком датировка данного памятника была ограничена в пределах II в. до н.э. – II в. н.э.⁶ Однако представление о более длительном, чем это считалось ранее, существовании культуры скифского типа в Туве⁷ и выделение улуг-хемской культуры⁸ ставили под сомнение возможность отнесения начала кокэльской культуры к последним векам до н.э. и даже несколько более позднему времени. В работе 1992 г. нами было предложено разделять вопросы хронологии памятников кокэльской культуры по всей территории ее распространения и датировки самого могильника Кокэль, время существования которого синхронизировалось с периодом сяньбийских завоеваний, II–III вв. н.э.⁹ В диссертации Н.Н. Николаева обосновывается еще более поздняя датировка могильника Кокэль – рубеж III/IV–IV вв. н.э., в чем, по всей видимости, сказалось влияние общей тенденции «омоложения» саяно-алтайских древностей, характерной для многих работ последнего времени¹⁰.

Таким образом, несмотря на прошедшие десятки лет, вопросы хронологии кокэльской культуры и ее самого крупного памятника – могильника Кокэль – остаются актуальными. Основная сложность при этом заключается в том, что датирующих находок в материалах кокэльской культуры, по сути дела, нет, а представляющий ее предметный комплекс, за исключением специфической керамики с «арочным» орнаментом, имеет многочисленные, но достаточно широкие параллели¹¹. В кургане Кокэль-11 найдено несколько обломков бронзовых зеркал, просверленных и использованных в качестве амулетов, некоторые из которых относятся к I в. до н.э.¹², но они определяют только *terminus post quem* для данного вида памятников, не более. В этих условиях существенное значение имеет рассмотрение материалов кокэльской культуры в сравнительно-историческом аспекте, т.е. на фоне общих закономерностей культурогенеза, в сопоставлении с другими памятниками, в которых присутствуют элементы кокэльского комплекса, а также с учетом сведений письменных источников. О том значении, которое имеет «разрешение сложной проблемы соотношения этнических группировок, упомянутых в нарративных источниках (например, сяньби – тоба и уханьцы), с остальными выявленными группами археологических памятников», уже писал А.Д. Грач¹³.

Общепризнанно, что Кокэльская культура (по характеру внутри-могильных сооружений, формам и орнаментации керамики, набору многих предметов сопроводительного инвентаря) наиболее близка культуре хунну, хотя степень этой близости оценивается исследователями по-разному. По Л.Р. Кызласову, население шурмакской (кокэльской) культуры – это местные племена гунно-сарматского времени, иначе не «обособились бы памятники собственно гуннов»¹⁴. С.И. Вайнштейн и В.П. Дьяконова относят погребения могильника Кокэль к смешанному населению, образовавшемуся в результате ассимиляции местных (казылганских; иначе – уюкских или саглыньских) и пришлых (хуннских или близких хуннским) групп населения¹⁵. А.М. Мандельштам считал, что «поряду существенных черт данная культура настолько близка к культуре сюнну, что есть достаточно оснований связывать ее происхождение с передвижением сюда какой-то многочисленной группы последних»¹⁶.

Говорить о весомом участии в сложении кокэльской культуры каких-то местных групп населения скифского времени нет никаких оснований. Вместе с тем, именно С.И. Вайнштейн первым указал на «сравнительно большую близость» кокэльских погребений и могильника Найма-Толгой периода господства северных хуннов в Западной Монголии, который «в свою очередь, наряду со сходством, имеет ряд существенных отличий от известных памятников гуннов в Ноин-Уле и Забайкалье»¹⁷. В настоящее время в Центральной и Западной Монголии открыты и другие погребения типа Найма-Толгой, относящиеся к периоду господства северных хуннов (55 г. до н.э. – 93 г. н.э.), свидетельствующие о многочисленности проживавшего здесь населения. Некоторые связываемые с ними могильники (например, в Арзангайском аймаке) насчитывают более 200 курганов¹⁸. Показательно, что в тех случаях, когда подобные курганы были раскопаны, стенки деревянных гробов оказались украшенными геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской¹⁹, точно так же, как и в могильнике Кара-Даш, кург. I в Центральной Туве, раскопанном Л.Р. Кызласовым²⁰. Отдельные захоронения сосудов (т.н. «поминальники»), наиболее характерные для кокэльской культуры Центральной Тувы, известны как «жертвенники» в Ноин-Уле²¹. «Арочный» орнамент на кокэльских сосудах повторяет орнаментацию бронзовых хуннских котлов, в том числе и найденных на территории Монголии²². По А.Д. Журавлевой, многие глиняные сосуды из кокэльской коллекции являются вотивными по отношению к хуннским образцам, а «в формообразовании сосудов заметно влияние сюннуской керамики»²³. Все это вместе взятое дает основание полагать, что начало развития кокэльской культурной традиции, не имеющей местных истоков в Туве,

могло происходить на территории соседней Монголии, в рамках этнополитического объединения северных хуннов, хотя этническая принадлежность населения самой кокзельской культуры так и остается неопределенной.

О времени и обстоятельствах появления кокзельской культуры в Туве позволяют судить материалы двух других опорных памятников – могильников Бай-Даг II и Аймырлыг XXXI. Погребения на Бай-Даг II (всего раскопано 11 больших курганов) представляют собой каменные сооружения трапециевидной формы с пристройками – «дромосами» и глубокими, до 5 м, могильными ямами, на дне которых находились гробы, помещенные в узкие прямоугольные срубы. Все захоронения оказались ограбленными; из вещей сохранились железные котловидные сосуды, обломок бронзового ханьского зеркала, остатки железного меча, костяные накладки лука хуннского типа и др. Стенки гробов были декорированы: снаружи – фигурными железными пластинами и шелком с геометрическим орнаментом; изнутри – золотой и серебряной фольгой. В насыпях курганов обнаружены впускные захоронения кокзельского типа с немногочисленным, но характерным инвентарем²⁴.

Уже не раз отмечалось, что устройство погребений могильника Бай-Даг II соответствует описанию хуннских захоронений, которое сохранилось в письменных источниках: «Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро...»²⁵. Ближайшие аналогии им находятся в погребениях хуннской знати в Монголии – Ноин-Ула²⁶ и в памятниках Забайкалья – Ильмовая падь, Черемуховая падь и др.²⁷ По мнению авторов раскопок, погребения Бай-Даг II можно рассматривать как «прямое и бесспорное свидетельство археологии о том, что какая-то группа сюнну обитала на территории Тувы» и «не должны быть отнесены к периоду могущества сюнну – если не к десятилетиям создания их державы, то к ближайшему времени»²⁸. Однако по имеющимся аналогиям погребения Бай-Даг II не могли появиться ранее Ноин-Улы, датируемой достаточно точно рубежом – первыми годами н.э.²⁹ и, несмотря на некоторые отличия между ними³⁰, скорее всего, связанные с «провинциальным» характером данного памятника, вряд ли отделены от Ноин-улинских значительным промежутком времени.

В 93 г. н.э. северные хунны были разбиты сяньбийцам; при этом «Северный шаньюй бежал и сяньбйцы, пользуясь сим обстоятельством, заняли земли его»³¹. Вероятно, именно в контексте этих событий следует рассматривать появление хуннских погребений в Туве. На это же время указывает и открытие гончарных печей для изготовления хуннской керамики на Южном Алтае, для одной из которых получена радиокарбоновая

дата – около 120 г. н.э.³² Следовательно, первые группы населения кокэльской культуры, оставившие впускные захоронения в курганах Бай-Даг II, могли переселиться сюда не ранее конца I – самого начала II в. н.э. Это объясняет, почему в многочисленных погребениях кокэльской культуры ни разу не найдены бронзовые художественные изделия, наконечники стрел с расщепленным основанием, ложечковидные застёжки, поясные пластины с гравировками и другие предметы, характеризующие предшествующий «пласт» культуры хунну («иволгинского» или «дырэс-туйского» типа). В приведенном выше отрывке из Хоуханьшу далее говорится, что после разгрома сяньбийцами «оставшиеся роды хуннов сами приняли народное название Сяньби»³³. Вполне вероятно, что среди этих «оставшихся родов» могли быть и группы населения кокэльской культуры, переселенные (?) сяньбийцами – обычная практика в истории центральноазиатских кочевников – на территорию Тувы. В этом плане исключительный интерес представляет могильник Аймарлыг XXXI, материалы которого, к сожалению, до сих пор опубликованы только в самом общем виде³⁴. Всего здесь было раскопано более 200 погребений, отличающихся поразительным разнообразием внутримогильных сооружений; захоронения в каменных ящиках, деревянных гробах, колодах, гробовищах, могильных ямах с подбоями и т.д. Столь же разнообразна происходящая отсюда керамика: в основном хуннского облика; однако имеются и сосуды кокэльского типа (с «арочным» орнаментом); сосуды, близкие к предшествующим скифского времени или вообще ранее неизвестных форм. Керамика с «арочным» орнаментом происходит преимущественно из погребений в деревянных гробах (кокэльского типа). Среди других находок особо выделяются бронзовые, с позолотой, пластины с рельефными изображениями животных, рассматриваемые в одном ряду с хуннскими художественными бронзами, что как будто и определяет датировку данного памятника. На самом деле, как сейчас установлено, бронзовые позолоченные пластины из могильника Аймырлыг XXXI полностью идентичны находкам из сяньбийского могильника Лаохэ-шэнь, что позволяет авторам этого открытия относить могильник Аймырлыг XXXI, как и другие немногочисленные памятники, в которых найдены подобные вещи, «местным кочевым племенам, испытавшим влияние сяньбийской культуры II-III н.э.»³⁵. Однако не исключено, что это могло произойти и в несколько более раннее время: разнообразие культурных традиций в материалах могильника Аймырлыг XXXI как нельзя лучше соответствует отмеченной выше ситуации, когда «оставшиеся роды хуннов» приняли общее название Сяньби.

В 155 г. н.э. сяньбийский предводитель Таньшихуай окончательно «овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов»³⁶. С этого времени начался период сяньбийского господства в Центральной Азии. В письменных источниках указывается на те жестокости, необычные даже для китайской историографии, которыми сопровождалось завоевание сяньбийцев. Так, еще в середине I в. старейшина Бяньхэ «ежегодно выступал в поход и нападал на северных хуннов, а по возвращении являлся в Ляодун с головами убитых для получения награды за них». При Таньшихуае «набеги и грабительства... были усилены», в 166 г. сяньбийцы «учинили убийства, ограбили чиновников и народ»; в 168 г. «неисчислимое множество жителей побито и уведено в плен»; и т.д.³⁷ Эти сведения в основном касаются событий, происходивших на китайских границах, но нет никакого сомнения, что то же самое, возможно в еще более жесткой форме, имело место и в других областях сяньбийской экспансии. О масштабах сяньбийских завоеваний пока могут свидетельствовать только отдельные находки бронзовых изделий, аналогичных найденным в могильнике Аймырлыг XXXI: например, в Минусинской котловине, в одной из грунтовых таштыкских могил у кург. Салбык³⁸, на что уже обратил внимание Ю.С. Худяков; и еще не приводившаяся в этом плане аналогия – в Ордосе³⁹.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к интерпретации материалов могильника Кокэль, где в общей сложности открыто более 400 погребений. Из них 322 содержат т.н. «курганы-кладбища», сооруженные, как сейчас установлено, в относительно короткий период. Специальные исследования антропологических материалов из могильника Кокэль⁴⁰ показали, что на многих скелетах и черепках имеются различного рода травмы, нанесенные боевым оружием и послужившие причиной смерти погребенных. Описание их носит поистине драматический характер: наконечники стрел, застрявшие в грудном отделе или в тазовых костях; отрубленные конечности; погребения обезглавленных трупов; дети со следами рубящих ударов на шейных позвонках; захоронение беременной женщины с ребенком 3–4 лет, в правой подвздошной кости которой застрял наконечник стрелы; и т.д. Ту же картину уничтожения, но еще более выразительно рисует в одной из своих последних работ В.П. Дьяконова⁴¹. Совершенно очевидно, что не только мужское население принимало активное участие в военных действиях, но и на места расселения кокэльцев, в отдаленную долину р. Хемчик, предпринимались карательные экспедиции, когда гибли женщины и дети. Реконструируя возможный ход событий, можно предполагать, что какая-то часть населения кокэльской культуры, вытесненная из Центральной (?) Тувы,

была вынуждена продвинуться на север, в долину р. Хемчик. Начались изнурительные и жестокие войны, в результате которых кокэльцы потерпели поражение, частично были уничтожены или изгнаны со своих мест⁴².

Абсолютное господство сяньбийцев в Центральной Азии продолжалось до середины III в. н.э., когда из сяньбийской среды «выделяются основавшиеся этносоциально как самостоятельные части этого народа – тоба, муюн, юйвэнь и др.»⁴³. Скорее всего, этим временем – серединой II/серединой III вв. н.э. – и следует датировать многочисленные погребения могильника Кокэль; возможно с некоторым «запаздыванием», т.е. до конца III в. н.э., так как обычно археологические материалы, по сравнению с событиями политической истории, носят «отраженный» характер, но в любом случае не более 100 лет. Косвенным указанием на это же время служит форма вотивных мечей и кинжалов с кольчатым навершием, характерных для Кокэля, но типологически близких сяньбийским⁴⁴. К заключению о том, что могильник Кокэль «функционировал в течение жизни трех–четырёх поколений», пришел и Н.Н. Николаев, связывая при этом гибель его населения с «крушением сяньбийского могущества» и завоеванием последних жуань-жуанями⁴⁵, что менее вероятно, так как материалы Кокэля в целом отражают не сяньбийскую, а хуннскую традицию. «Короткой» хронологии не противоречит предметный комплекс Кокэля: несмотря на большое количество найденных здесь вещей, удивительно цельный, не поддающийся никакой хронологической дифференциации. Обращает на себя внимание полное отсутствие в Кокэле отдельных ритуальных сооружений с захоронениями сосудов, т.н. «поминальников»; вместе с тем, во многих случаях аналогичные сосуды с «арочным» орнаментом уже в самом погребении помещены отдельно, иногда в специально сделанной нише, и также накрыты каменными плитками. Очевидно, в силу своего тяжелого положения, кокэльцы уже не имели возможности создавать ритуальные сооружения, но, традиционно придерживаясь тех же представлений, помещали культовые сосуды непосредственно в погребения. Это еще одно косвенное указание на относительно позднюю дату могильника Кокэль по сравнению с памятниками кокэльской культуры в Центральной Туве, где отдельные крупные сооружения с ритуальными захоронениями сосудов, рядами камней-балбалов и стелами антропоморфных очертаний, типа исследованных Б.Б. Овчинниковой на могильнике Даг-Аразы⁴⁶ были наиболее распространены. Впрочем, вопрос о хронологическом соотношении могильника Кокэль и памятников кокэльской культуры по всей территории ее распространения, в первую очередь в Центральной Туве, до сих пор остается открытым. Дальнейшая судьба населения кокэльской культуры

может быть намечена только «пунктиром». Несомненно поздние кокзельские погребения имеются в Саянском каньоне Енисея. Среди них – могильник Шугур, один из сосудов которого (с «ушками») Г.В. Длужневская убедительно сравнила с керамикой тепсейского этапа таштыкской культуры – III–IV вв. н.э., по М.П. Грязнову⁴⁷. В свою очередь, в Минусинской котловине найдены, правда в очень небольшом количестве, сосуды с «арочным» орнаментом кокзельского облика⁴⁸. В погребениях кок-пашской культуры (или типа) на Горном Алтае (IV–V вв. н.э.) представлен очень близкий кокзельскому набор железных изделий. Судя по их составу (мечи с кольчатым навершием, наконечники стрел, крюки от колчанов и железные цепочки для их крепления, пряжки), скорее всего, это захоронения воинов, возможно ушедших на Алтай после разгрома населения кокзельской культуры в Туве. К позднему этапу кокзельской культуры относятся датированные Л.Р. Кызласовым III–V вв. н.э. погребения с трупосожжениями (шурмакского типа), в которых найдены однокольчатые удила, типологически поздние наконечники стрел, пропеллеровидные псалии (как в Шугуре), серпы⁴⁹, известные по находкам в погребениях и в других районах Тувы и, очевидно, «доживающие» уже непосредственно до предтюрокского времени. В целом, распространение памятников кокзельской культуры после конца III в. н.э., носит дисперсный или даже, возможно, центробежный характер. Создается впечатление, что население кокзельской культуры, дольше всех сохранявшее древние хуннские традиции на севере Центральной Азии, так и не оправилось от сяньбийского завоевания.

В заключение хотелось бы обратить внимание на известное сходство кокзельских материалов и немногочисленных находок из катакомбных погребений могильников Чаты I, II, датировка и культурная принадлежность которых является объектом оживленных дискуссий⁵⁰. Между ними действительно есть много общего: железные котлы с вертикальными ручками, форма срединных накладок лука, налепные шишечки на стенках глиняных сосудов, костяные трубочки с круглыми отверстиями в верхней части; из более общих аналогий – ножи, трехперые наконечники стрел, пряжки с подвижным щитком, орнаментированные пряслица и др.⁵¹ Не исключено, что уйгурские (?) городища в Центральной Туве охраняли представители местного населения, в среде которых сохранялись древние кокзельские традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск. 1990.

² Овчинникова Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы) // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 187–193.

³ Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. VI. С. 232–233. Табл. IV.

⁴ Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вест. МГУ, истор.-философ. серия. М., 1958. № 4. С. 89–98. Табл. III.

⁵ Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Тр. ТКЭАН. М.; Л., 1966. Т. II. С. 257; Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III. С. 195, 209.

⁶ Kenk K. Das Graberfeld der hunno-sarmatischen teit von Kokel' Tuva, Sud-Sibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden archaologie. Munchen, 1984. B. 25. S. 85–89.

⁷ Мандельштам А.М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 229–237.

⁸ Грач А.Д. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

⁹ Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М.Б. Грязнова. Омск, 1992. Ч. I. С. 108–109.

¹⁰ Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 24?25.

¹¹ Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. I. С. 77–78.

¹² Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль. С. 195.

¹³ Грач А.Д. Центральная Азия как историко-археологический регион. С. 252.

¹⁴ Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от мамонта до IX в.). М., 1979. С. 81, 84.

¹⁵ Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль... С. 257.

¹⁶ Мандельштам А.М. К гуннской проблеме. С. 233.

¹⁷ Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-гурекской культур) // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III. С. 79.

¹⁸ Волков В.В. Археологические исследования в МНР // АО 1981 года. М., 1983. С. 503

¹⁹ Волков В.В. Археологические исследования в Монголии // АО 1975 года. М., 1976. С. 580; Волков В.В., Новгородова Э.А. Археологические исследования в Монголии // АО 1972 года. М., 1973. С. 499; Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 51–87, рис. 5, 1–3.

²⁰ Кызласов Л.Р. Древняя Тува... С. 85–92, рис. 70.

²¹ Доржсурэн Ц. Раскопки могилы хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гоа // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 36–41. Подробнее об этом см.: Савинов Д.Г. Ритуальные комплексы с захоронениями сосудов хуннского времени в Туве // Ритуал и ритуальный предмет. Сб. науч. тр. СПб., 1995. С. 48–59.

²² Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунногуннских связей // ПАВ. СПб., 1993. Вып. 3. С. 73–88, рис. 4, 5, 13.

²³ Журавлева А.Д. Основные тенденции развития керамических комплексов Тувы на рубеже новой эры // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. II. С. 65.

²⁴ Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1992. С. 197–198.

²⁵ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1. С. 40.

²⁶ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинуминские курганы. М.; Л., 1962.

²⁷ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.

²⁸ Мандельштам А.М., Стамбульник Э.А. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 55, 57.

²⁹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 36–38; Руденко С.И. Культура хуннов... С. 83.

³⁰ Николаев Н.Н. К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в предтюркское время // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1. С. 83.

³¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 150.

³² Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 118.

³³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. соч. С. 150–151.

³⁴ Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 34–41; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы. С. 198?200.

³⁵ Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 168, рис. 1, 2.

³⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. соч. С. 154.

³⁷ Там же. С. 150–155.

³⁸ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. С. 233, рис. 15, 2.

³⁹ Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, рис. 29, 3.

⁴⁰ Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-

сарматского времени из могильника Кокэль // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III. С. 239–297; *они же*. Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Кокэль // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87–107.

⁴¹ Дьяконова В.П. Заметки к погребальному обряду «кокэльцев» // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 183–186.

⁴² Подробнее см.: Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль. С. 107–109.

⁴³ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до манчжуров. М., 1997. С. 59.

⁴⁴ Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньбы // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. № 5. Рис. III, 8–10, 12–14.

⁴⁵ Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н.э. С. 19, 25.

⁴⁶ Овчинникова Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы). С. 187–193.

⁴⁷ Длужневская Г.В. Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 114.

⁴⁸ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Манусинской котловины. М., 1960. Рис. 13, 5–7.

⁴⁹ Кызласов Л.Р. Древняя Тува... С. 114–119.

⁵⁰ Подробно историю вопроса см.: Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чаты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 61–68.

⁵¹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. Рис. 20–25; *Он же*. Древняя Тува... Рис. 118, 123, 129, 130.

И.Л. Измайлов

БУЛГАРСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЭТНОС: ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ*

Изучение древней и средневековой истории народов Волго-Уральского региона в течение многих лет было одной из приоритетных тем отечественной науки. В последние годы интерес к этому направлению не только не уменьшился, но и возрос. Кроме научного интереса к этой теме в последнее время она стала и объектом политизации в связи с

* Статья публикуется в авторском варианте оформления (Ред.).